

ЯЗЫК И ЕГО КАТЕГОРИИ В СВЕТЕ РАЗНЫХ ПОДХОДОВ

С.А.Карпухин

Самарский университет

РУССКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Грамматисты, исследующие вид русского глагола, не часто апеллируют к сознанию говорящего. Поэтому встречающиеся в литературе общие оценки фактора осознанности говорящим употребления видов не кажутся вполне обоснованными. Так, в одном из вузовских учебников сообщается: “Выбор видовой формы определяется, во-первых, реальной ситуацией, во-вторых, некоторыми языковыми и речевыми факторами, в-третьих, точкой зрения говорящего на действие”. И далее: “Наконец, иногда... говорящий получает право на выбор одной из двух видовых форм глагола. Например, вместо *Я уже прочитал эту книгу* можно сказать *Я уже читал эту книгу...*” [8: 220. Автор раздела о глаголе – Ю.В.Фоменко]. Распространение в последние годы когнитивного подхода к языку тоже не привело к расширению “полномочий” субъекта речи в использовании видов: лингвисты продолжают говорить о “пониженной осознаваемости”, “пониженной интенциональности” [4: 46] и т.п. видов.

Итак, говорящему отводится обычно третьестепенная роль в выборе вида после двух факторов: 1) отражение видами природных (онтологических) свойств действий, 2) контекстное окружение. Оба этих условия, как и их приоритетность, отнюдь не представляются ясными и убедительными, поэтому остановимся на них.

Способность видов выражать реально существующие различия у действий (типа длительность/краткость, протекание процесса/его прекращение, например *звенит звонок / прозвез-*

признается многими лингвистами (см., например [1: 42], [3: 17], [10: 8, 110] и др.). Опровергнуть это принципиальное свойство видов вряд ли возможно, поскольку оно базируется на объективно существующих в материальном мире движении и покое. (Ср., однако: “Никакое явление действительности, обозначенное в языке как действие, не несет в себе никаких объективных указаний на свою ограниченность или неограниченность пределом”. [9]). По мнению В.В.Бородич, противопоставление глаголов действия и глаголов состояния лежало уже в основе зарождения видов в индоевропейском праязыке [7: 104], что, по существу, также означает изначальную мотивированность видов. Но вопрос, по-моему, должен ставиться иначе: можно ли в природной характеристике действий обнаружить категориальную сущность современных глагольных видов? История русской аспектологии уже дала отрицательный ответ: все попытки найти универсальное семантическое противопоставление видов в реальных различиях действий – краткости / длительности, однократности / многократности, результативности / нерезультативности и др. – нельзя признать состоявшимися. Искусственным выглядит и деление всех русских глагольных основ по характеру обозначаемого действия на предельные и непредельные, в котором ряд современных авторов усматривает базу видового противопоставления (см., например, [6: 583-584]). Дело в том, что если и была денотатная база при зарождении видов, что вполне вероятно, то в процессе многовекового формирования и развития данной категории эта база оказалась переработанной языковым сознанием в совершенно новый грамматический продукт, причем различный в разных языках, например в славянских против западноевропейских.

В современном русском языке совершенный и несовершенный виды представляют действие в двух аспектах. Я называю эти аспекты по самому общему (универсальному, инвариантному) значению: экзистенциональным – для несовершенного (нефиксированного) вида и диалектическим – для совершенного (фиксированного) вида. Первый аспект – это представление действия в его существовании, статически; второй аспект представляет действие

как компонент динамической ситуации, в частности – как действие, переходящее в некоторое состояние (*приплыл*) или, наоборот, состояние, переходящее в действие (*поплыл*) (см. подробнее [2: 65-69]). В принципе любое действие, независимо от его реального характера, может быть воспринято и обозначено говорящим и в том, и в другом аспекте. Например, мгновенное действие – несовершенным видом: *В семь часов в доме неожиданно гаснет свет*; длительное действие – совершенным видом: *Эти горы сформировались в течение ледникового периода*.

Природное (онтологическое) содержание видов обычно демонстрируется текстами, в которых замена одного вида на противоположный ведет к изменению (или к разрушению) смысла. Но подобные эксперименты фактически свидетельствуют только о связи видов с данным текстом, а не с реальными ситуациями. Рассмотрим пример, которым Л. Н. Шведова иллюстрирует “отражательную функцию” видов: *Я вспомнил о нем, когда возвращался домой. – Я вспомнил о нем, когда возвратился домой*. Автор полагает, что противоположные виды называют здесь разные “объективные ситуации” и потому не конкурентны [10: 7-8]. Не приходится сомневаться в том, что глаголы *возвращался* / *возвратился* именно в этих предложениях передают разный смысл: процесс / состояние, наступившее по окончании процесса как его следствие. Однако объективные ситуации здесь ни при чем: говорящий волен обозначить каждую из них соответственно противоположными видами: *Я вспомнил о нем, когда уже был (НВ) дома. – Я вспомнил о нем, когда уже пошел (СВ) домой*. Сами же глаголы *возвращаться* / *вернуться* тоже не обязательно связаны с природной характеристикой действия. Так, в тексте иной структуры НВ может выражать не процесс, а состояние, наступившее после каждого акта множественного действия: *Солдаты возвращались в родное село неизвестными*. Таким образом, реальная характеристика действия лишь факультативно связана с видом, выбор которого означает в конечном счете выбор говорящим аспекта изображения действительности – экзистенционального или диалектического.

Сложнее вопрос о соотношении таких факторов употребления видов, как структура текста и интенции субъекта речи. С одной стороны, действительно, существует большое количество разнообразных синтаксических конструкций (уже широко известных русистам), в которых вид глагола говорящий использует как бы автоматически: он “предусмотрен” выбранной конструкцией. Например, русский не скажет: *Я не хочу поработать* или *Давай играем* (вместо *давай сыграем*). Определенные предпочтения по выбору вида свойственны также некоторым типам текста (например, повествовательному, описательному) – опять же как бы помимо воли субъекта речи. Но, с другой стороны, можно ли в принципе оценить этот факт количественно, противопоставив конструкции со связанным употреблением видов якобы менее частотным – свободным конструкциям? Разумеется, нет. В русском языке взаимодействие вида с контекстом весьма многообразно и проявляется в предельно широком диапазоне: от жесткой избирательности вида – через различную степень предпочтительности – до так называемой конкуренции видов. Здесь участвуют самые разные компоненты контекста (а не только непосредственные распространители глагола) на разных структурных уровнях: синтаксическом, морфологическом, лексическом и др. Так, если наречие *никогда* сочетается, как правило, только с глаголами НВ в форме прошедшего времени (*Ты мне никогда не купил шоколадку* – неправильно), то синонимическое выражение *ни разу* к виду безразлично: *ни разу не покупал... ни разу не купил...* Но СВ вполне нормально “выглядит” в будущем времени: *Ты никогда не купишь машину*. Как видим, в сочетаниях с *никогда* вид обусловлен одновременно синтаксически, морфологически и лексически. Кроме того, в использовании видов определенную роль играют и некоторые просодические элементы, например логическое ударение. Одним словом, весь этот “клубок” контекстных условий употребления видов делает объективно невозможным разграничение случаев, где вид “предусмотрен” конструкцией и где он “не предусмотрен”, а тем более их количественный учет.

Но все это – не главное. Рассмотрим следующее предложение

из рассказа И.С. Соколова-Микитова “Дороги”: *Проезжаем пруд, полуразвалившийся мост, каменные службы, выкрашенные облупившейся палевой краской, выезжаем в луга.* На первый взгляд, нет структурных препятствий для употребления здесь вместо СВ *выкрашенные* – НВ: ... *службы, крашенные... палевой краской...* Хотя различие понятно: причастие СВ более решительно фокусирует внимание на постситуации (результате); тогда как причастие НВ, кроме значения постситуации, в большей степени сохраняет значение предшествующего процесса. Но процесс, в свою очередь, несовместим с... определением *облупившейся* к дополнению *краской*, которое подчеркивает именно р а з р ы в между постситуацией и процессом во времени. И совсем уж нереально – и по той же причине – звучало бы предложение с синонимической заменой причастного оборота прилаточным определительным с глаголом СВ: ... *службы, которые выкрасили облупившейся краской...*, поскольку глагол СВ фиксирует сам переход процесса в постситуацию, то есть устраняет разрыв между ними, на который указывает определение. Сочетание же с этим определением глагола НВ, называющего только процесс, – просто абсурдно: ... *службы, которые рабочие красили облупившейся краской...* Вместе с тем наивно было бы полагать, что причастие СВ *выкрашенные* употреблено автоматически под влиянием признака *облупившейся*, с которого и началось (?) восприятие рассказчиком упомянутых им строений.

Еще более глубоко взаимодействует вид с контекстом при реализации внутривидовых оттенков. Ср.: *Внук читает письмо* – *Внук хорошо читает*. В первом варианте НВ называет конкретный процесс, во втором – умение. Уже для этого минимального контекста невозможно однозначно решить, что от чего зависит: видовые оттенки порождаются окружением или текст развертывается для реализации намерения говорящего выразить соответствующий видовременной оттенок. Возьмем пример посложнее – из реальной речевой практики. В одной газете в телепрограмме было напечатано: *“Тихий Дон. Читает компьютер”*. А сама передача (состоявшаяся 23. 05.90) называлась: *“Компьютер чита-*

ет "Тихий Дон"! Различие в следующем. В первом, парцеллированном варианте глагол характеризует произведение с точки зрения исполнения, творческой интерпретации, так же, как, например: "... читает М. Ульянов". Авторская же версия направляет внимание слушающего на характеристику глаголом компьютера – с точки зрения его возможностей. (Речь в передаче шла о текстологическом исследовании "Тихого Дона" с помощью ЭВМ норвежским ученым, в результате которого было подтверждено авторство М.А.Шолохова). Подобных семантических видовременных оттенков, которые подчас улавливаются слушателем (читателем) лишь при очень внимательном восприятии высказывания (а иной раз выявляются только анализом), в речи возникает множество. Они реализуются бесконечным разнообразием комбинаций компонентов текста, которые (комбинации) уже по определению, то есть в силу их необозримости и невозпроизводимости, не могут быть формализованными способами употребления видов. Невозможно, конечно, утверждать и противоположное – что текст всегда порождается видовыми интенциями говорящего (хотя бы потому, что существует конкуренция видов и безглагольные высказывания). Скорее всего, вопрос: текст зависит от вида или наоборот – так же некорректен, как и пресловутая загадка: что было раньше – курица или яйцо?

Тем не менее практика современной русской речи убеждает в том, что в случае необходимости, определяемой, помимо коммуникативного задания, общим дискурсом, говорящие не только осознанно употребляют виды глагола, но нередко используют их и как выразительное средство. Осознанное употребление видов реализуется двумя способами: открытым противопоставлением однокоренных, а также разнокоренных глаголов противоположных видов в пределах одного контекста или скрытым выбором говорящим одного из видов. В обоих случаях говорящий актуализирует те семантические оттенки, которые базируются на одном из двух аспектов действия. Открытый способ:

– Алло! Тетя Вера? Я приглашаю вас на день рождения.

– А Леша с Машей придут?

– *Я их тоже пригласил...*

Форма 1-го лица НВ называет здесь действие, осуществляющееся самим высказыванием (перформативное значение) – это наиболее яркое представление экзистенционального аспекта. СВ сообщает о состоявшемся переходе к новому состоянию – “быть приглашенным”. Следующий пример – фрагмент из “Идиота” Ф.М.Достоевского: *Два года назад.., хлопоча о чрезвычайно важных для меня делах.., взял билет, в первый класс: вошел, сижу, курю. То есть продолжаю курить, я закурил раньше.* Как известно, для героев этого писателя характерно углубленное самоощущение, чему в данном случае способствует НВ, задерживающий внимание на одной из фаз действия (*продолжаю курить*), противопоставленной другой – начальной – фазе (*закурил*). Афоризм, прозвучавший однажды в интервью бывшего министра иностранных дел Е.Примакова (ОРТ, “Время”, 11.03.96) *Искусство дипломатии состоит в том, чтобы говорить, но не сказать*, – отражает давно сложившийся стереотип: дипломат предпочитает выжидать в положении статус-кво, завуалированном внешним проявлением деятельности (НВ – *говорить*), нежели предпринимать недостаточно обдуманные шаги (СВ – *сказать*). Изречение основано на парадоксе: СВ с отрицанием отменяет результативность действия *говорить*. Если для задуманного противопоставления нет соответствующего узуального глагола, говорящий создает его. Один из персонажей романа Сервантеса говорит, обращаясь к Дон-Кихоту: “... *оставайтесь с богом вы, ваша милость, и все странствующие рыцари, чтобы с ними все так рыцарствовали, как они порыцарствовали со мной*”. (Перевод Н.Любимова. “Библиотека всемирной литературы” Т.37). Вспомним: это горькое и едкое пожелание имеет в виду один из “подвигов” Дон-Кихота, который, защищая персонажа от притеснений хозяина, лишь усугубил его положение. Иначе говоря, персонаж хотел сказать: “чтобы с ними все так поступали, как они поступили со мной”. Глагол СВ *порыцарствовать* произведен от НВ – *рыцарствовать* и означает переход действия к состоянию, которое, кстати, говорящий (персонаж) испытывает буквально “на своей шкуре”. При этом под

влиянием нового (точнее – потенциального) глагола переосмысливается путем редеривации и исходный глагол НВ: он называет уже не род занятия (“быть рыцарем”), а желаемое существование многократного дистрибутивного действия – с соответствующими последствиями после каждого акта.

Видовое противопоставление говорящий строит соотношением не только родственных (а также супплетивных) глаголов, но и неродственных, в частности сталкивая их в ряду однородных сказуемых. Например: *В предстоящем году полеводы призваны существенно повысить эффективность своего труда, полнее обеспечивать спрос населения на продовольствие* (Правда. 22.12.87). СВ глагола *повысить* фиксирует (в плане будущего) достижение запланированного и ощутимого результата, в отличие от неопределенной результативности НВ – *повышать*. Тогда как НВ глагола *обеспечивать*, напротив, актуализирует свои типичные оттенки – длительное, систематично-непрерывное существование действия. Ср.: *обеспечить* – результат выражен более отчетливо, чем у НВ, но – только разовый! Интересно, что близкий по смыслу к этому глаголу другой глагол – *накормить* отмечен был недавно в аналогичном контексте, но иного – ораторского – стиля, в речи некоего политика: *Мы возьмем власть и накормим народ!*

Скрытый способ выбора вида – это обычный элемент механизма формирования мысли и реализации коммуникативного замысла – так же, как и выбор того, а не другого синонима вообще. И отрицать или недооценивать в этом механизме роль сознания говорящего – значит отдавать дань мистике. Возьмем еще одну рядовую газетную фразу: *Сегодня наука стала одной из движущих сил обновления жизни общества* (Труд. 8.11.87). Почему *стала*, а не *становится*? Понятно, что СВ фиксирует состоявшийся (в этом случае) переход процесса “становиться” к сохраняющемуся состоянию “быть чем-либо”. Но этот переход – отнюдь не объективный факт: он никогда не был реально зафиксирован во времени (Что значит “сегодня”? На прошлой неделе? Два года назад?). С другой стороны, наука, в принципе, всегда способствовала прогрессу. Следовательно, СВ *стала* в приведенном высказывании

выражает субъективную (или идеологически ангажированную) оценку ситуации.

Надо сказать, что русскоязычному сознанию вообще свойственно, особенно в импровизированной речи, творческое манипулирование глагольными видами, нередко ломающее их привычное, узуальное окружение и порождающее окказиональные глагольные образования, – для выражения самых разнообразных оттенков. В том числе – модальных, связанных с каждым из видов дифференцированно и, таким образом, непосредственно реализующих аспектуальные намерения говорящего. Покажу это на нескольких примерах. Диктор ОРТ К.Клейменов обычно заканчивает программу “Время” словами: *“Это все, о чем мы успели рассказать вам сегодня”*. Но иногда он меняет в этой фразе глагол *успели* на *успеваем*, в котором, на мой слух, слышится стремление подчеркнуть непрерывность важнейших событий в мире, а также сопричастность с ними телезрителя. Спортивный комментатор В.Гусев ведет репортаж о футбольном матче: *“А вот и наш Овчинников спасает наши ворота от углового... и не спас...”*. Сиюминутность происходящих событий заставляет комментатора тут же отменить возникшее было впечатление результативности действия *спасает* через глагол СВ с отрицанием. Ср. также оттенки настоящего исторического – процессности / результативности: *И вот я в Москве, поступаю во ВГИК... Поступаю. Учусь на режиссерском отделении...* (из телепередачи). Одна учительница в своем выступлении на педсовете, в частности, сказала: *“Где элементарная вежливость детей? Нет ее, улетучилась! И продолжает улетучиваться!”*. Конечно, в нормированной речи конструкции типа *Яблоки покраснели и продолжали краснеть; От сырости плащ намок и продолжал намокать* вряд ли возможны, поскольку СВ, фиксируя в них степень изменения состояния в данный момент, а не его (изменения) окончание, имплицитно включает и его продолжение. Но кто осудит учительницу за эту речевую погрешность, с помощью которой удалось передать тревогу за катастрофическую результативность продолжающегося процесса! Можно понять и желание победительницы лыжного кросса выразить умение спортсмена мобилизоваться в нужный момент – с помощью заме-

ны двувидового глагола *стартовать* окказиональным (или спортивно-жаргонным?) глаголом СВ: “*Как стартанешь, так и вся гонка пойдет*” (из телеинтервью).

У мастеров художественного слова глагольный вид с его богатой семантикой тоже не мог остаться не востребуемым в качестве выразительного средства. Так, у А.С.Пушкина формы НВ прошедшего времени, обозначая ряд последовательных конкретных действий, придают изображаемому событию церемониальную значительность и былинную неторопливость: — *Усадили в уголок, Подносили пирожок, Рюмку полну наливали, На подносе подавали, От зеленого вина Отрекалася она*... (см. о подобном употреблении НВ в былинах: [5: 44,48]). А в сказке П.П.Ершова “Конек-горбунок” с помощью противопоставления двух видов разоблачается мнимое превосходство энергичных и деловых братьев над медлительным и ленивым Иваном. Как отправлялся сторожить пшеничное поле старший брат Данило?

Вот как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.

Такую же ответственность и энергию, и тоже через глаголы СВ, демонстрирует и Гаврило:

Стало сызнава смеркаться,
Средний брат *пошел* собираться,
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.

Настала очередь Ивана; а для него у сказочника припасены глаголы НВ:

Тут Иван с печи *слезает*,
Малахай свой *надевает*,
Хлеб за пазуху *кладет*,
Каравул держать *идет*.

Но, как мы знаем, ленивая неторопливость Ивана на самом деле была обстоятельностью и неподдельной ответственностью, которые и привели в дальнейшем к бурным событиям, окончившимся тем, что Иван-дурак *стал* царем, да еще и *женился* на прекрасной царь-девице!

А вот пример блестящего обыгрывания глаголов СВ фазовой семантики – в прозе (И.А.Гончаров, “Обрыв”): [Райский] ...редко полгода выживал в Петербурге с тех пор, как оставил службу.

А оставил он ее давно, как только вступил. Поглядевши вокруг себя, он вывел свое оригинальное заключение, что служба не есть сама цель, а только средство куда-нибудь девать кучу люда, которому без нее незачем бы родиться на свет. То есть про Райского нельзя сказать, что он *служил* и даже *послужил* или *прослужил* какое-то время.

Осознанное отношение носителей русского языка к категории вида проявляется также со стороны адресата речи. Часто сталкиваются с несогласованностью видового значения и контекстного окружения работники пера – редакторы, рецензенты и др. А.П.Чехов писал начинающему писателю Н.А.Хлопову: “...согласитесь, не годится фраза “появилась долгая улыбка” (Собр. соч. в 12 т. Том 12. М.: Правда, 1985. С. 93). Подобные “ностыковки” способен отметить и оценить на интуитивном уровне (“так нельзя”, “так не говорят” и проч.) любой русский с достаточно развитым языковым чутьем, а не только профессионал. Например, в таких высказываниях:

- *С каждым днем раскопки начали приносить больше результатов* (студент-историк);
- *Я тебя сдам в полицию, и ты навсегда будешь пропадать в тюрьме* (из зарубежного фильма);
- *На протяжении нескольких недель обида прошла* (из сочинения абитуриента);
- *В понедельник с 9 до 12 отключат электричество* (объявление домоуправления);
- *Однажды в поселковый магазин не завезли хлеб* (из газеты).

В тяжелой канцелярской речи чиновников, военнослужащих, информирующих общественность о своей деятельности, нередко

с участием глагольных видов нечаянно возникает нечто каламбурное, вызывающее у слушателя иронию:

– *Мы только сейчас начали наводить полный порядок в этом деле* (в учете земельных ресурсов в Московской области).

– *У наших солдат [в Косове] есть приборы, позволяющие определить уровень радиации, и если радиация достигает опасного уровня, то об этом сразу сообщается командованию. Но пока таких случаев не было.*

– *Мы будем продолжать поиск [пропавшего самолета] до тех пор, пока не закончим его.*

– *Школьники будут горячо приветствовать президента.* – Администрация запланировала (!) высокую оценку предстоящей встречи.

В заключение вернемся к вопросу о связанном употреблении видов. Чем жестче избирательность вида в различных конструкциях, тем более эти конструкции похожи на немотивированные знаки, каковые, как известно, составляют одно из фундаментальных свойств языка. Ср.: *привычка умыться* (только НВ); *Зачем закрывать...?* (только НВ); *Пошел было...* (только СВ). Однако существенно при этом то, что говорящие, для которых русский язык является родным, в отличие от иностранцев, и такие конструкции используют вполне сознательно – именно как нечто заданное традицией. Один показательный пример. Тренер победившей баскетбольной команды в интервью, начав фразу: *“Не хочу сгла...”* – запнулся на полуслове, поскольку, собираясь употребить привычную конструкцию с НВ, “наткнулся” на омонимичный глагол *сглаживать* (от *сгладить*) и вынужден был перестроиться на СВ, – *...сглазить, но ребята играли хорошо*”. Ср. название известного литовского фильма в речи английского посла: *“Никто не хотел умереть”* (ТВ. 26.01.91. “Киносерпантин”). Характерна также в этом отношении эпатажная ломка устойчивых по виду конструкций в жаргонах: *перестань сказать; будем посмотреть; Он меня кончал совсем* и т.п.

Все изложенное выше не позволяет отнести категорию вида в современном русском языке на задворки языкового сознания; ско-

рес, напротив, дает основание вспомнить высказывание классика (кажется, это был А.М.Пепковский), что в глагольном виде заключается душа русского предложения, и констатировать, что сегодня это утверждение не утратило силы.

Литература

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
2. Карпухин С.А. К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке // РЯШ, 2002, № 1.
3. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977
4. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в современном русском языке. МГУ, 2000.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. М.: Просвещение, 1977.
6. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980
7. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А.Лежанта. М.: Высшая школа, 1982.
8. Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 5.
9. Шведова Л.Н. Трудные случаи функционирования видов русского глагола. М.: МГУ, 1984.
10. Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов). М., 1958.